

Годъ изданія восьмой.

МАРТЪ.

№ 9.

1915.

XVI $\frac{45}{10}$

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ВЪ МАРТѢ (стих.).
ПРИНЦЕССА КРОШКА (сказка).
НА ЛѢСНОЙ ОПУШКѢ.
Я ЖДУ ВЕСНЫ (стих.).
ЖОЛИ (исторія серны).
ОТВАЖНЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Англійская ферма (для склеиванія).
Рыболовъ (игра).

1850

1851

1852

1853

W. H. C. B.

W. H. C. B.

W. H. C. B.

W. H. C. B.

W. H. C. B.

W. H. C. B.

W. H. C. B.

W. H. C. B.

W. H. C. B.

W. H. C. B.

W. H. C. B.

W. H. C. B.

XVI $\frac{45}{10}$

№ 9. Мартъ. 1915. Годъ изданія VIII-й. Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Цыплятки.

ВЪ МАРТѢ.

Уже летятъ къ намъ съ Юга птицы
Ужъ слышенъ ихъ веселый крикъ!..
Прощайте-жъ, шуба, рукавицы,
Прощайте, валенки, башлыкъ!

Цвѣтетъ верба, одѣлись ивы,
Глядится солнышко съ небесъ
И согрѣваетъ доль и нивы
И дворъ, и паркъ, и темный лѣсъ.

Весна, весна! Ея дыханьемъ
Уже обласкана земля.
И все полно благоуханьемъ:
И лѣсъ, и пашни, и поля.

И ароматъ повсюду вешній
Стоитъ въ лѣсахъ и средь полей
И распѣваетъ надъ скворешней
Скворецъ съ скворчихою своей.

Кузнечикъ.

ПРИНЦЕССА-КРОШКА.

СКАЗКА.

Жила однажды на свѣтѣ такая маленькая принцесса, что ее называли Крошкой. Когда она была еще ребенкомъ, то скорлупка отъ орѣха служила ей колыбелькой, а когда ее крестили, то рубашечка и одѣяльце для нея были сдѣланы изъ лепестковъ розы. Ее вывозили гулять на воздухъ въ маленькой колясочкѣ, сдѣланной изъ золота, которая была такъ мала, что приходилось запрягать въ нее двухъ кузнечиковъ. Когда ей хотѣлось покататься по водѣ, то она садилась на листъ водяной лилии, къ ней слетала бабочка и раскрывала около нея крылья—и это служило парусомъ.

Когда принцесса-Крошка достигла семнадцатилѣтняго возраста, то, хотя она и выросла немного, она все-таки не стала большой.

Она по-прежнему оставалась такой маленькой, что птицы носили ее у себя на спинкахъ и большіе жуки катали ее на себѣ по парку.

Она жила въ прекрасномъ дворцѣ. Его стѣны были сдѣланы изъ хрусталя, башни сверкали позолотой и кругомъ били маленькіе, душистые фонтаны. Всякій, кто видѣлъ принцессу-Крошку, плѣнялся ею, потому что она была со всѣми ласкова и хороша собой. Но больше всего она очаровывала своей добротой. Казалось, что не было чловѣка добрѣе ея, и не было такой просьбы, которой она не исполнила-бы отъ всей души.

Принцесса-Крошка любила цвѣты и птицъ. Все, что было безпомощно, пользовалось особеннымъ ея расположеніемъ. Каждый стебелекъ растенія получалъ отъ

нея свою каплю влаги, въ каждое гнѣздышко она всегда клала въ изобиліи свѣженькій пушокъ или мохъ, чтобы было помягче птенцамъ. А когда наступала зима, то она ходила по снѣжной равнинѣ и отыскивала иззябшихъ птичекъ, чтобы взять ихъ къ себѣ и отогрѣть. Когда-же птичка приходила въ себя, то она отпускала ее на волю, или же держала ее у себя до весны.

Однажды она шла по дорожкѣ и оглядывалась по сторонамъ, чтобы узнать, не нужно-ли кому-нибудь помочь. И вдругъ она увидѣла ястреба, который впился когтями въ ласточку и готовъ уже былъ ее убить своимъ клювомъ. Она подбѣжала къ нему и, будучи маленькой сама, едва имѣла силъ отбить у него ласточку и отогнать его. Онъ сверкнулъ на нее злобынмъ взглядомъ, котораго она долго не могла забыть, и при одномъ воспоминаніи о которомъ дрожь пробѣгала по всему ея тѣлу.

— Я тебѣ этого не забуду! крикнулъ ей на человѣческомъ языкѣ ястребъ. — Я тебѣ когда-нибудь отомщу!

Она подобрала ласточку, у которой оказалось сломаннымъ крыло, принесла ее къ себѣ домой, долго ухаживала за ней, и когда ласточка наконецъ выздоровѣла совсѣмъ, то все-таки у нея перестало дѣйствовать крыло. Это приводило принцессу-Крошку въ от-

чаяніе. Но дѣлать было нечего. А затѣмъ, когда наступила осень, и всѣ птицы потянулись къ югу, то заволновалась и ласточка. Ей тоже нужно было улетать. Она попробовала-было подняться, полетала немного, но силъ у нея не хватило и она снова опустилась на землю.

— Придется открыть тебѣ свою тайну, сказала она тоже на человѣческомъ языкѣ. — Вѣдь я не ласточка, а такая-же дѣвушка, какъ и ты.

И она ударилась грудью о землю и превратилась въ человѣка.

— Я никогда не забуду твоей услуги, принцесса, продолжала она. — Гдѣ-бы я ни была, я всегда буду думать о тебѣ и если понадобится моя помощь, то разсчитывай на меня. Мои сестры летятъ въ теплые края. Я должна слѣдовать за ними. Но я не могу летѣть вмѣстѣ съ ними, какъ птица, и поэтому должна ѣхать въ теплые края, какъ человѣкъ. Прощай, моя дорогая!

Она хотѣла протянуть принцессѣ-Крошкѣ руку и не смогла: правая рука у нея не дѣйствовала. Онѣ поцѣловались, поплакали при разставаньи и ласточка сѣла въ экипажъ и поѣхала. Стаи другихъ ласточекъ съ веселымъ пискомъ летѣли впереди нея и позади.

— Киві! Киві! кричали онѣ. — Наша фея нашлась!

Наступила глубокая, хмурая осень. Задулъ вѣтеръ, потянулись

дождливые дни, стали обнажаться съ печальнымъ шумомъ деревья, опустѣли поля, и принцесса-Крошка заперлась у себя во дворцѣ и долго не выходила на воздухъ. Какъ вдругъ, когда она однажды вышла на балконъ, надъ нею раздался какой-то странный шумъ, точно летѣлъ кто-то съ большими крыльями, и она пришла въ ужасъ, увидѣвъ надъ собою какое-то странное существо, похожее на человѣка съ крыльями, съ длинной бородой и съ такими-же злобными глазами, какъ и у того коршуна, отъ котораго она когда-то отбила ласточку.

— Я подземный царь Кокодинъ, сказалъ онъ. — Я царствую въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сверкаютъ брилліанты и гдѣ рождаются подъ землею золото и серебро. Я отыскиваю сейчасъ невѣсту для своего сына — и мой выборъ палъ на тебя. Слѣдуй за мною.

Маленькая принцесса испугалась еще больше и съ мольбою протянула къ нему руки.

— О, не бери меня съ собой! воскликнула она, вся въ слезахъ, — сжался надо мной. Оставь меня здѣсь, гдѣ я еще нужна для моихъ птичекъ и цвѣтовъ! Я не могу безъ нихъ жить и всѣ богатства міра не смогутъ мнѣ ихъ замѣнить!

Кокодинъ пожалъ презрительно плечами и засмѣялся. Онъ протянулъ къ ней свою громадную руку и, не обращая вниманія на ея слезы и мольбы, схватилъ ее.

взмахнулъ крыльями и понесъ ее съ собою. Подъ ними замелькали поля, лѣса, рѣки и моря, — и все время она плакала, а онъ поглядывалъ на нее глазами, какъ у коршуна, и ей казалось, что вотъ-вотъ онъ повторитъ ей тѣ слова, которыя сказалъ ей когда-то коршунъ:

— Я тебѣ этого не забуду! Я тебѣ когда-нибудь отомщу!

Они пролетѣли надъ безмолвными пустынями, на которыхъ не свѣтилось ни единого огонька, и наконецъ онъ опустился на землю и сталъ спускаться куда-то внизъ.

— Мы прибыли! сказалъ онъ. — Путь конченъ. Сейчасъ ты будешь у меня!

Была уже ночь и онъ понесъ ее куда-то въ темноту. Она оглядѣлась и вдругъ къ ужасу своему убѣдилась, что онъ внесъ ее въ пещеру. Пещера была такъ глубока, что, казалось, ей не было и конца. Затѣмъ они вошли въ другую пещеру, въ которой горѣли факелы, окрашивавшіе ея стѣны въ красный цвѣтъ, похожій на зарево пожара. Кругомъ суетились карлики, почернѣвшіе отъ копоти, которые ударяли молотами по стѣнамъ, отваливали отъ нихъ глыбы и оттуда вырывались цѣлые снопы искръ. Падая на землю и остывая, эти искры превращались въ брилліанты и другіе драгоценные камни, которые переливались разными цвѣтами и

придавали всей пещерѣ волшебный видъ.

— Ну, вотъ мы и дома! сказала Кокодинъ и спустилъ принцесу Крошку на землю.—Что ты теперь скажешь о моихъ богатствахъ? Не думаешь-ли ты, что твои цвѣты и птицы драгоцѣннѣе этихъ камней? Ну, что значать твои жалкія фіалки въ сравненіи съ этими брилліантами и всѣ твои птицы въ сравненіи съ этими роскошными топазами и аметистами? Неужели ты такъ еще наивна, что думаешь, что можно быть счастливымъ безъ богатства?

Она глубоко вздохнула.

— Всѣ эти драгоцѣнные камни, отвѣтила она,—только тогда и красивы, когда отражаютъ въ себѣ лучи солнца. Безъ солнечнаго свѣта, безъ дня, безъ свѣчи,—они ничто. Мои же цвѣты источаютъ изъ себя запахи, они рождаются, растутъ, живутъ и радуютъ сердце. Мои птицы—такія-же живыя существа, какъ и я, они радуются, горюютъ, поютъ, веселятся, славятъ Бога и наполняютъ своей радостью сады, лѣса, нивы и луга. Онѣ такъ-же чувствуютъ, какъ и я, онѣ такъ-же имѣютъ желанія, какъ и всѣ люди; онѣ умѣютъ быть самоотверженными, умирать за своихъ дѣтей, совершать далекія удивительныя путешествія въ теплые края. И ты могъ подумать, что твои брилліанты, золото и серебро могутъ замѣнить собою въ при-

родѣ птицъ и цвѣты? Нѣтъ, ты ошибся! Я могу представить себѣ жизнь въ тяжкихъ лишеніяхъ и даже въ нищетѣ, но не могу вообразить себѣ поля безъ цвѣтовъ, и лѣса безъ птичьихъ голосовъ. Вѣдь это—слава Божья, вѣдь Соломонъ при всѣхъ своихъ богатствахъ не могъ быть такимъ прекраснымъ, какъ лилія!

Кокодинъ нахмурился.

— Вотъ мой сынъ, сказалъ онъ,—это твой будущій мужъ. Завтра ты выйдешь за него замужъ, а если откажешься, то я заключу тебя въ тюрьму и продержу тебя тамъ до тѣхъ поръ, пока ты не подчинишься моей волѣ.

И онъ указалъ ей на безобразнаго карлика, на которомъ сверкало ожерелье изъ крупныхъ брилліантовъ.

— Ты будешь съ нимъ богата такъ, какъ никто! продолжалъ онъ.—Всѣ будутъ тебѣ завидовать.

Но она отказалась наотрѣзъ, и онъ приказалъ тотчасъ-же заключить ее въ тюрьму. Она покорно послѣдовала за своимъ тюремщикомъ. А Кокодинъ вылетѣлъ изъ своей пещеры и, обратившись въ коршуна, снова сталъ гоняться за птичками и истреблять ихъ.

— Я уничтожу васъ всѣхъ! ворчалъ онъ.—Вы оживляете міръ и дѣлаете его прекраснымъ. Я хочу, чтобы люди считали прекраснымъ не природу, а богатство.

А тѣмъ временемъ бѣдная прин-

цесса-Крошка томилась въ тюрьмѣ. Три желѣзныя, кованыя двери преграждали выходъ и маленькое окошечко съ рѣшеткой, помѣщавшееся высоко-высоко подъ потолкомъ, едва пропускало черезъ себя дневной свѣтъ. Въ углу, чтобы искутить бѣдную принцессу-Крошку и заставить ее поскорѣе рѣшиться на бракъ съ сыномъ Кокодина, была навалена цѣлая гора роскошныхъ брилліантовъ и другихъ самоцвѣтныхъ камней. Но свѣта въ темницѣ было мало и они лежали незамѣтными въ углу. За то на волѣ было превосходно: свѣтило ласковое солнце, цвѣли цвѣты и птицы весело распѣвали въ деревьяхъ.

Послышался скрипъ и бречанье замковъ, двери распахнулись и къ принцессѣ-Крошкѣ вошелъ самъ Кокодинъ.

— Ну, что? обратился онъ къ ней.— Ты еще не образумилась? Все еще упорствуешь?

И увидѣвъ, что всѣ драгоцѣнныя камни такъ и оставались лежать нетронутыми въ углу, онъ продолжалъ: —

— Что-же ты не надѣнешь на себя это брилліантовое ожерелье? Вѣдь дороже и лучше его нѣтъ ни у кого на свѣтѣ!

Она скромно опустила глаза.

— Отпусти меня къ моимъ птицамъ и цвѣтамъ! сказала она со слезами въ голосъ.— Развѣ могутъ эти бездушные камни сравниться

съ тѣмъ, что даетъ всей природѣ жизнь?

Онъ ожесточился, хлопнулъ дверью и вышелъ.

— Хорошо-же! сказалъ онъ, уходя.— Теперь ты у меня запляшешь! Я прикажу тебя уморить голодомъ! Тогда ты согласишься!

И вдругъ высоко у окошка послышалось радостное щебетанье ласточекъ,

— Киви! Киви! кричали онѣ и принцесса-Крошка могла уже слышать, какъ хлопали ихъ крылышки о рѣшетку.

Ей показалось, что она слышитъ ихъ голоса во снѣ. Но нѣтъ, это происходило на яву. Значить, ея подруги-ласточки вспомнили о ней, соскучились по ней и прилетѣли ее навѣстить. Но какъ онѣ узнали, что она именно здѣсь? Какъ онѣ догадались, что она сидитъ именно въ этой башнѣ, наверху, подъ самой крышей, за столько тысячь верстъ отъ своего дворца? Ахъ, если-бы только онѣ смогли влетѣть къ ней сюда, въ самую ея тюрьму! Что, если она имъ крикнетъ и позоветъ ихъ къ себѣ? Но окошко высоко, у самаго потолка, и все равно онѣ ея не услышатъ. И въ отчаяніи она стала плакать.

И пока она плакала, закрывъ обѣими руками лицо, въ тюрьму влетѣла одна изъ ласточекъ, странно ковылявшая правымъ крыломъ. И вдругъ съ ея появленіемъ вся тюрьма освѣтилась какимъ-то та-

инственнымъ свѣтомъ и наполнилась сладкимъ ароматомъ диковинныхъ цвѣтовъ. Въ легкой дымкѣ передъ принцессой-Крошкой появилась вдругъ фея ласточекъ въ вѣнокъ изъ розъ и въ платьѣ, осыпанномъ ландышами и маргаритками. Она приняла у принцессы-Крошки руки отъ лица и заглянула ей въ самые глаза.

— А ну-ка, сказала она, — оглядись вокругъ себя!

Принцесса-Крошка оглядѣлась и не повѣрила своимъ глазамъ. вмѣсто кучи драгоценныхъ камней росли роскошные цвѣты. вмѣсто ласточки около нея стояла прекрасная дѣвушка и утирала ей слезы.

— Я — фея цвѣтовъ и ласточекъ, обратилась къ ней дѣвушка. — Въ тяжкую минуту своей жизни ты осталась намъ вѣрна и не предпочла этихъ бездушныхъ брилліантовъ птицамъ и цвѣтамъ. За это я тебя спасу. Смотри-же, что будетъ далѣе!

И она исчезла.

Принцесса-Крошка все еще плакала и изъ ея слезъ, падавшихъ на полъ и изъ драгоценныхъ камней все росли и росли восхитительные цвѣты. Аметисты превращались въ фіалки, гранаты и рубины — въ розы и гвоздики, топазы и бирюза — въ роскошные маки, а брилліанты — въ нѣжныя, души-

стая бѣлыя лиліи. Изумруды превращались въ ярко-зеленую листву, а жемчуги — въ нѣжныя росинки. И все это росло и росло и поднимало на себѣ Принцессу-Крошку до тѣхъ поръ, пока она не достигла наконецъ окошка. Она сошла съ лиліи на подоконникъ и заглянула внизъ. Все еще свѣтило роскошное солнце и она полной грудью вдохнула въ себя свѣжій воздухъ. Ласточки все еще рѣяли около ея тюрмы. Одна изъ нихъ подлетѣла къ ней, посадила ее къ себѣ на спинку и съ радостнымъ пискомъ помчалась съ ней въ пространство. Всѣ другія ласточки послѣдовали за ней. Подъ ними потянулись поля, лѣса, горы, рѣки и моря и наконецъ всѣ ласточки спустились на землю въ томъ мѣстѣ, гдѣ было такъ хорошо, какъ нигдѣ на всемъ земномъ шарѣ.

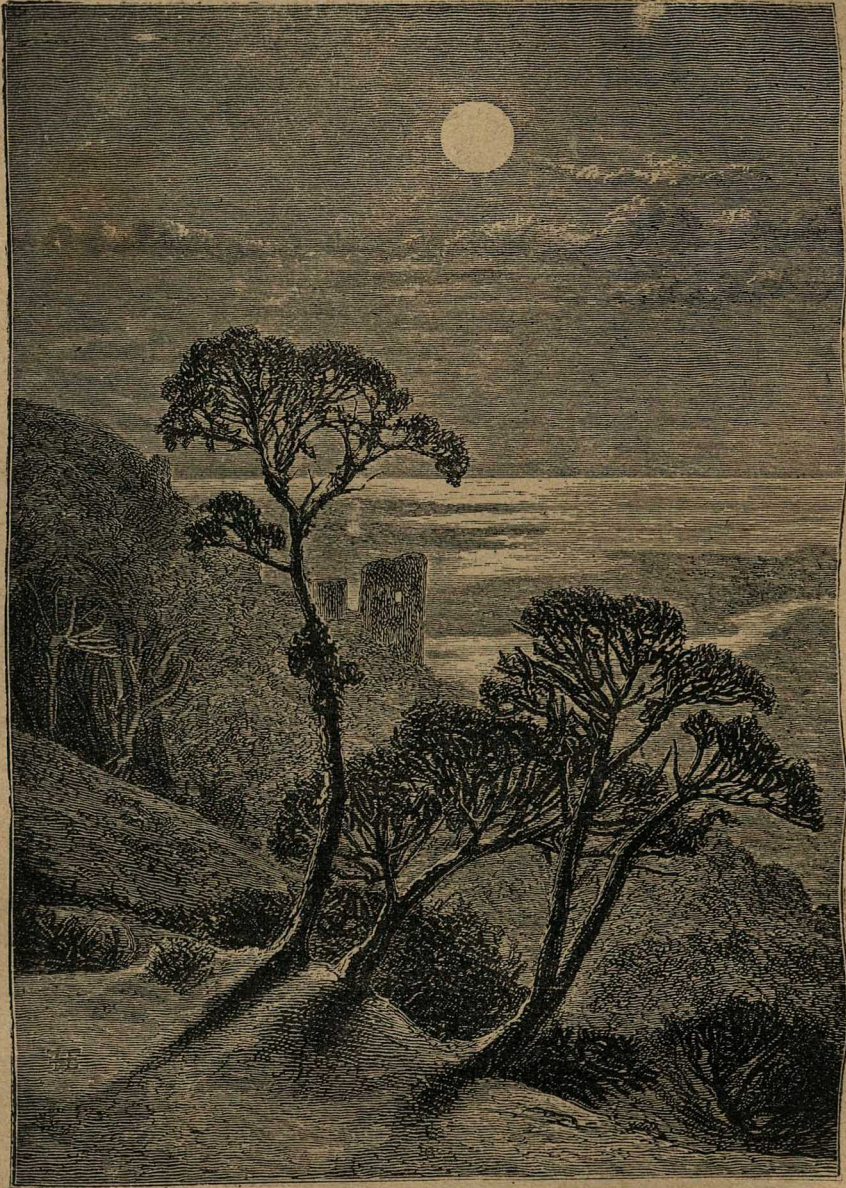
— Гдѣ я? спросила принцесса-Крошка.

— Ты сейчасъ въ странѣ вѣчной весны, отвѣтила ей фея ласточекъ и цвѣтовъ. — Здѣсь цвѣты не умираютъ никогда и птицы поютъ, не переставая. Ты всегда ихъ любила и даже готова была положить за нихъ свою жизнь. Оставайся-же здѣсь навсегда и будь нашей королевой!

И маленькая королева птичекъ и цвѣтовъ уже не разставалась съ ними больше никогда.

По Ferd. Beissier.

Въ тихую ночь.

Въ бурную ночь.

У ОПУШКИ ЛѢСА.

ПОВѢСТЬ.

Таня сидѣла на стволѣ упавшаго у дороги дерева и плакала. Ей казалось страннымъ, почему ея няня такъ долго къ ней не возвращалась. Няня усадила ее на это дерево и сказала:

— Сиди тутъ и дожидайся, пока я не приду!

Но прошло уже три часа, стало заходить солнце и розовыя облачка появились на небосклонѣ, а ея все не было. Потянуло вечерней сыростью, показался въ низинкахъ туманъ и зажглись наконецъ звѣзды, а она все еще не возвращалась. Танѣ было холодно и хотѣлось ѣсть. Лужицы стали подергиваться ледкомъ и вдругъ рѣзкій, осенній вѣтеръ промчался сквозь деревья и загудѣлъ ихъ голыми вѣтками.

— Мнѣ холодно... еще громче заплакала Таня.

Проходилъ мимо лѣсникъ Василій. Онъ ходилъ на рѣку за водой и несъ ея полное ведро. Услышавъ плачь, онъ остановился, прислушался и свернулъ къ ребенку.

— Что ты здѣсь дѣлаешь? спросилъ онъ.

Таня протянула къ нему обѣ пухленькія ручки.

— Я жду няню... отвѣтила она.

— Мнѣ холодно... Я озябла...

— Куда-же она ушла?

— Вонъ туда...

Дѣвочка показала рукой на лѣсъ.

— А это что у тебя на груди? указалъ Василій на бумажку, приколотую булавкой на пальтишкѣ дѣвочки.

— Это няня приколола... отвѣтила Таня.— Она сказала, чтобы я не трогала...

Василій поставилъ ведро, отстегнулъ отъ дѣвочки бумажку и повернулся лицомъ къ тому мѣсту, гдѣ сѣло солнце, чтобы было лучше видно. Это оказалась записка. Онъ развернулъ ее и прочиталъ:—

„Прошу добрыхъ людей пожалѣть эту дѣвочку и приютить у себя. Я болѣе не могу держать ее при себѣ и кормить. Мнѣ нечего ѣсть и самой. О ней, должно быть, забыли, а ждать, когда приѣдутъ и отъ меня ее возьмутъ, мнѣ больше невозможно. Зовутъ ее Татьяной. Крещена. Ей четыре года.“

Василій крикнулъ.

— Такъ... протянулъ онъ.— Значить, ты подкидываешь? Ну, что-жъ мнѣ теперь съ тобой дѣлать?

— Кушать хочу.. простонала дѣвочка, стуча зубами отъ холода.

Онъ посмотрѣлъ ей въ лицо. Это была такая хорошенькая дѣвочка, такіе у нея были довѣрчивые, голубые глазки, что въ душѣ у него шевельнулось что-то теплое. Онъ

подумалъ, крикнулъ, почесался и наконецъ сказалъ:—

— Ну, что-жь?.. Пойдемъ въ такомъ случаѣ со мной! У меня хоть тепло! А то ты дрожишь...

Василій былъ уже старъ; его жена Матрена хотя и была моложе его, но была хрома и вѣчно маялась спиной. Когда-то она грузила вмѣсто Василя дрова въ вагонъ, расшибла себѣ полѣномъ ногу и запустила свою болѣзнь. Къ этому прибавились простудныя боли въ спинѣ. Такъ Матрена и осталась навсегда хромою.

Оба они были бѣдны и трудились, не покладая рукъ, съ утра и до вечера. Всю весну и лѣто Василій рубилъ дрова и хворостъ, а осень и зиму возилъ ихъ въ городъ продавать. Но когда дороги были плохи и онъ и его старый конь не могли ихъ осилить, то поневолѣ приходилось оставаться дома безъ денегъ и питаться, чѣмъ Богъ послалъ. И часто въ такое непривѣтливое время Василій и Матрена топили печку и долго въ молчаніи сидѣли передъ огнемъ и ихъ одиночество и бѣдность казались имъ еще болѣе безвыходными. Такое-то глухое время и началось для Василя, когда онъ нашелъ Таню, идя съ ведромъ воды отъ рѣки.

Онъ взялъ ее за руку и повелъ къ себѣ. И когда онъ шелъ, то ему пришла на умъ его бѣдность, онъ представилъ себѣ, ка-

кое испуганное лицо сдѣлаетъ его жена при видѣ подкидыша, этого лишняго рта въ семьѣ, — и онъ опечалился и глубоко вздохнулъ. Услышавъ этотъ вздохъ, Таня подняла голову и глаза ихъ встрѣтились. Она не спросила ни о чемъ.

— Ну, пойдѣмъ, пойдѣмъ! сказали онъ ласково.—Теперь ужъ скоро!

А потомъ лицо его просвѣтлѣло, на душѣ опять появилось ощущение какой-то нѣжной теплоты и не думая уже больше о деньгахъ и недостаткахъ, онъ поднялъ дѣвочку съ земли, и все еще не разставаясь съ ведромъ, понесъ ее на лѣвой рукѣ.

— Вотъ такъ-то лучше будетъ!.. сказалъ онъ.—А то дорога плохая,

— Что ты здѣсь дѣлаешь?..

ножки-то у тебя заплетаются... Да и скорѣе дойдемъ!

Онъ уже подходилъ къ своей избушкѣ, какъ вдругъ возможная картина представилась его глазамъ. Что, если-бы онъ не встрѣтился съ Таней? Вѣдь въ такую глухую пору, когда по дорогѣ черезъ лѣсъ не ѣздитъ почти никто, она легко могла-бы замерзнуть и завтра утромъ, идя за водой, онъ навѣрное нашель-бы ея окоченѣвшій трупикъ. Ахъ, какая счастливая случайность, что онъ набрелъ на нее именно теперь!

И въ избыткѣ удовольствія, онъ горячо поцѣловаль ее въ пухленькую щечку. Его мокрые, холодные усы зацекотали ее въ лицо, — и она весело засмѣялась.

„Одна, брошена матерью, а вотъ смѣется, радуется“, подумаль онъ. — „Таковыхъ-бо есть Царство небесное, сказано въ Писаніи! Точно Божій ангель.“

Онъ отворилъ дверь, вошелъ въ избушку, поставилъ у стѣны ведро, а дѣвочку поднесъ къ печкѣ и усадилъ передъ огнемъ. Матрены не было дома. Она отправилась отыскивать овецъ.

Василій раздѣлся, раздѣлъ и дѣвочку, далъ ей поѣсть и попить, и уложилъ ее къ себѣ на постель. Укрытая по самую шейку его тулупомъ, она почувствовала себя такъ тепло, такъ уютно, что улыбнулась во все личико и тотчасъ-же заснула.

Вернулась Матрена. Увидавъ дѣвочку, она тоже умилилась, но привыкшая вѣчно бороться съ нуждой, она испугалась, отошла отъ кровати и сѣла въ сторонкѣ.

— Что-же ты будешь съ нею дѣлать? спросила она мужа.

Василій не зналъ, что отвѣчать.

— Да пусть ее пока спить! сказалъ онъ и глубоко вздохнулъ.

— Ну, а потомъ?

Онъ побоялся сказать прямо: — „Потомъ она останется у насъ совсѣмъ,“ и отвѣтилъ уклончиво:

— Тамъ будетъ видно!

— А чѣмъ мы ее будемъ кормить? продолжала Матрена — Вѣдь если всѣ матери будутъ бросать своихъ дѣтей, то у другихъ людей тогда и хлѣба на нихъ не хватить!

— Это вѣрно! согласился Василій. Но, взглянувъ на спавшую дѣвочку, онъ добавилъ: — да вѣдь она-то — не всѣ. Она — одна! Ее Богъ послалъ! Пожалѣть надо!

— Я и сама знаю, что надо, а вотъ гдѣ на нее хлѣба-то взять?

— Найдется!..

Онъ былъ убѣжденъ, что хлѣбъ для дѣвочки найдется и что какъ-бы ни была у человѣка велика семья, всегда всѣ будутъ въ ней сыты, но Матрена всегда считалась съ дѣйствительностью, каждая корочка хлѣба и каждая щепотка муки были у нея на примѣтѣ и она не была такъ легко-вѣрна, какъ ея мужъ. Разсчетли-

вость вбивала въ ея голову осторожность, какъ молотъ вбиваетъ въ дерево гвоздь.

— Дастъ Богъ дѣтей, сказалъ Василій,—дасть и на дѣтей!

— Такъ-то оно такъ... Да ужъ очень мы стары съ тобой, Самсонычъ... вздохнула Матрена. — Зарабатывать надо! А сможемъ ли мы? Не лучше-ли отнести ее въ городъ въ пріютъ?

Василій испугался. Онъ такъ уже освоился съ мечтой, что въ его избушкѣ будетъ ребенокъ, и такъ уже привыкъ къ мысли, что онъ будетъ дѣдушкой, — и вдругъ — отдать дѣвочку въ пріютъ! Нѣтъ, онъ не дозволитъ этого никогда. Ни за что на свѣтѣ!

И, покачавъ укоризненно головой, онъ строго посмотрѣлъ на жену.

— Ай, Матрена, какая ты грѣшная!.. сказалъ онъ.— Самъ Богъ намъ ее послалъ, а ты—въ пріютъ! Ну, что-жь? Неси, если хочешь, сама! А я не понесу! Грѣхъ!

Матрена смутилась.

— Это я-то? отвѣтила она съ сердцемъ.— Хромая-то, да съ больной спиной? Да куда я съ ней пойду? Я и до околицы-то съ ней не дойду! Нечего тебѣ надо мной смѣяться!

Но Василій былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Онъ подошелъ къ женѣ и въ первый разъ за всѣ эти десять лѣтъ обнялъ ее за плечи.

— Ну, ну, ладно, не сердись!..

сказалъ онъ.— А ты лучше подумай вотъ объ чемъ: вѣдь дѣтей-то у насъ нѣтъ, а мы уже старики. Кто позаботится о насъ, когда мы состарѣмся еще больше? Вѣдь ты сейчасъ больная, за всѣмъ смотришь сама,—а то у тебя помощница будетъ! Да еще своя! Будетъ на кого положиться. Ты посмотри на нее, какая она славенькая! Самъ Богъ послалъ ее намъ!.. Спитъ... А ты заладила свое: въ пріютъ, да въ пріютъ!.. Данасъ Богъ накажетъ, если мы, бездѣтные, свалимъ ее въ пріютъ! Это грѣхъ!

Матрена стала сдаваться.

— А ея мать не отниметъ ее потомъ отъ насъ? робко спросила она.— Мы возьмемъ ее къ себѣ, привыкнемъ къ ней, а потомъ придется разставаться...

Василій обрадовался.

— Да какъ-же она возьметъ, воскликнулъ онъ, если сама-же оставила при ней эту записку?

И онъ развернулъ и прочиталъ записку вновь:—

„Прошу добрыхъ людей пожалѣть эту дѣвочку и пріютить у себя. Я больше не могу держать ее при себѣ и кормить. Мнѣ нечего ѣсть и самой. О ней, должно быть, забыли, а ждать, когда пріѣдутъ и ее отъ меня возьмутъ, мнѣ больше невозможно. Зовутъ ее Татьяной. Крещена. Ей четыре года“.

— Чего-же тебѣ еще надо? спросилъ онъ.— Сама родная мать отъ

нея отказывается, а ты боишься. Да послѣ этого каждый судья при-судить эту Танюшку намъ, если-бы ее потребовали отъ насъ об-ратно!

Для Матрены это показалось убѣдительнымъ, хотя сомнѣніе все еще не покидало ее.

— Точно-бы ее подкинула не родная мать! сказала она.—Поче-му она пишетъ, что о дѣвчкѣ забыли и что не хотятъ за ней прѣхать и взять? Должно быть, у нея гдѣ-нибудь все-таки есть родная мать!

Такъ думалъ и Василій. Онъ и самъ такъ понялъ содержаніе за-писки, но только не рѣшался ска-зать объ этомъ Матренѣ.

И оба они были правы. Подки-нувшая дѣвочку женщина была ей вовсе не мать. Она была ей няней, которой платили за воспитаніе ре-бенка и затѣмъ неожиданно пре-кратили этотъ платежъ. Года два тому назадъ какая-то дама, уѣз-жая за границу, оставила свою дочь Таню на попеченіе этой ня-ни. Няня увезла дѣвочку къ себѣ въ деревню, содержала ее тамъ у себя, а затѣмъ, когда отъ дамы перестали приходить письма, и прекратилась высылка денегъ, то няня испугалась, какъ-бы дѣвочка не осталась у нея на всю жизнь на рукахъ, и рѣшилась ее подки-нуть. Она искала ея родственни-ковъ,—и не нашла, она нѣсколько разъ писала къ дамѣ за границу,

но отвѣта ни разу не получила. И кончилось дѣло тѣмъ, что она вывела Таню на дорогу, и поса-дила ее на бревно, строго-на-стро-го приказала ей съ него не схо-дить, и скрылась.

Такимъ образомъ Таня не знала своей матери. По временамъ въ ея воображеніи вставало какое-то милое, давно знакомое лицо, ко-торое она уже позабыла за эти два года, и это лицо сильно от-личалось отъ лица ея няня. Оно не было такъ холодно, такъ чер-ство, никогда такъ не хмурилось. Его глаза были полны ласковаго выраженія. Дѣвочка часто огляды-валась, рассчитывая увидѣть это лицо около себя, но его не оказы-валось. Его не было нигдѣ и въ другихъ мѣстахъ, куда водила ее няня: ни въ лавкѣ, ни въ городѣ на базарѣ, ни среди деревенскихъ женщинъ. Откуда-бы оно могло къ Танѣ приходить? Когда она видѣла его, то она забывала уже обо всемъ, о чемъ такъ любила вспоминать, когда бывала одна: и о фарфоро-вой, въ розовомъ платѣ, куклѣ, которая разбилась у нея въ прош-ломъ году, и о тѣхъ спѣлыхъ, вкусныхъ вишняхъ, которыми кто-то тогда ее угощалъ. Послѣ этого у нея уже не было больше ни одной игрушки и никакихъ ла-комствъ она больше уже не ѣла.

Таня пробудилась около девяти часовъ вечера, свѣженькая, веселая довольная, что ей было тепло и

что она выпалась. Противъ нея трещали въ печи дрова. Шумѣлъ самоваръ, собираясь закипѣть. Матрены не было, а Василій склонился низко надъ ней и улыбался. Онъ только-что поцѣловалъ ее въ самыя губы и такъ неосторожно, что она проснулась. И какъ-то такъ случилось, что этотъ поцѣлуй пришелся въ тотъ самый моментъ, когда она видѣла во снѣ дорогое для нея лицо, которое протянуло къ ней губы и тоже ее поцѣвило. Кто-же это на самомъ дѣлѣ ее поцѣловалъ? Василій или та дама, лицо которой она видѣла во снѣ?

„Должно быть, это поцѣловала меня она!“ подумала Таня.

Она обрадовалась, громко засмѣялась и мечтательно стала смотрѣть на огонь. Прошло минуты три.

— На что ты уставилась? обратился къ ней Василій. — Что ты тамъ видишь?

Она подняла на него свои ясные глаза.

— Лицо... отвѣтила она.

— Чье лицо? Какое лицо?

Она опять задумалась, не сумѣла отвѣтить и личико ея омрачилось. Ей было жаль, что видѣніе исчезло для нея и что во второй разъ ее уже такъ не поцѣлуютъ, и она заплакала. Василій подумалъ, что она видѣла дурной сонъ, подсѣлъ къ ней, положилъ ее го-

ловку къ себѣ на колѣни и сталъ гладить ее по волосамъ.

— Гдѣ она? спросила вдругъ Таня.

— Кто она? переспросилъ Василій.

— Лицо... Она сейчасъ нагнулась надо мной и такъ сладенько меня поцѣловала!

— Кто-же тебя поцѣловалъ?

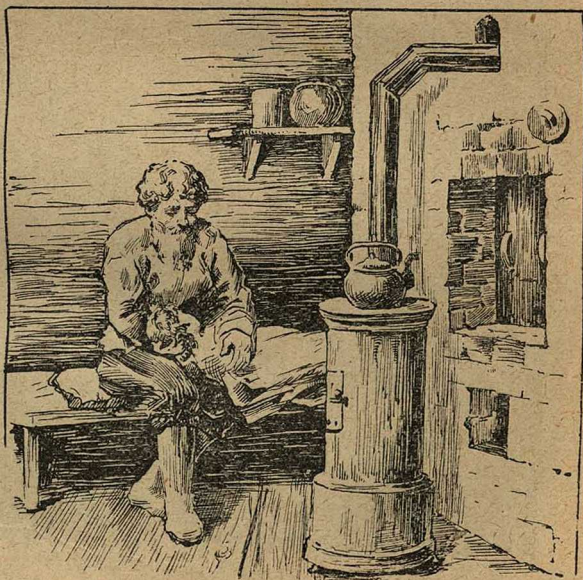
— Не знаю...

— А добрый или злой?

— Такая добрая—добрая!.. Она нагнулась надо мной, ничего не сказала, а только поцѣловала.

Онъ подумалъ немного и, сурвѣрный, какъ и большинство крестьянъ, сказалъ:

— Это твоя мать... Это она приходила къ тебѣ во снѣ! Она рада, что ты здѣсь, у насъ...

Василій подсѣлъ къ ней и положилъ ее голову къ себѣ на колѣни.

Поѣхали!..

Друзья.

— Мама? отвѣтила дѣвочка.— Но у меня мамы нѣтъ! У меня есть одна только няня!

— Эта твоя няня бросила тебя сегодня въ лѣсу одну! И если-бы я тебя случайно не взялъ, то Богъ знаетъ, что было-бы потомъ съ тобою!

Она вздрогнула и подняла съ его колѣнъ голову. Это сообщеніе, казалось, ее очень удивило. Глаза ея широко раскрылись.

— Да, продолжалъ онъ.—Она бросила тебя. Но она уже больше не вернется за тобою. Теперь ты будешь жить у меня и у моей жены. А это приходила сейчасъ къ тебѣ во снѣ твоя мать!.. Навѣстить тебя!.. Стало-быть, она еще жива!

Что за странныя вещи говорилъ ей Василій? Ея дѣтскому уму было не подѣ силу сразу переварить такія новости и она опять заплакала и въ то-же время что-то сладкое наполнило ея душу. Такъ, значитъ, то лицо, которое она такъ любила видѣть во снѣ и которое такъ часто появлялось у нея въ воображеніи,—было лицомъ ея матери? Значитъ, ея мать была жива? Значитъ, теперь эта суровая женщина, которую она называла, своей няней, уже больше никогда не придетъ за ней и не возьметъ ее къ себѣ?

Она задавала эти вопросы Василію и онъ отвѣчалъ на нихъ, какъ умѣлъ.

— Мы еще найдемъ твою маму! утѣшалъ онъ ее.—Она еще придетъ! Не можетъ быть, чтобы родная мать покинула свое дитя! Собакѣ и той своего щенка жалко.

Но она уже не слушала его. Она была довольна, что больше ужъ не возвратится къ своей нянѣ, и жизнь на новомъ мѣстѣ, у этого добраго старика, казалась ей интересной и увлекательной впереди.

— Такъ, значитъ, я буду жить у васъ? спросила она.—Вы взяли меня къ себѣ?

— Да, да, дѣвочка!.. отвѣтили онъ.—Богъ намъ поможетъ! Ты останешься у насъ совсѣмъ!

Вопла Матрена съ бѣльевою корзиной и съ старымъ одѣяломъ и подушкой подѣ-мышкой. Она поставила корзину около кровати въ тепленькомъ уголкѣ и, погрѣвши передъ огнемъ одѣяло и подушку, сдѣлала изъ нихъ постельку въ корзинкѣ.

— Это для Танюшки!.. сказала она.

И, взявъ на руки дѣвочку, она громко поцѣловала ее въ обѣ щеки, потомъ умыла и уложила ее въ постельку.

— Спи, моя голубушка!.. сказала она.—Закрой свои глазки! Господь тебя благословитъ!

Она опустила передъ корзиной на колѣни и, какъ въ былые годы, давно-давно, когда была еще жива ея сестренка, которую она качала, — она стала старческимъ

разбитымъ голосомъ пѣть колыбельную пѣсню.

Таня давно уже не видала такой ласки. Она закрыла глаза и снова крѣпко заснула.

Старики отошли отъ нея, сѣли за столъ и стали молча, но громко пить чай. Самоваръ напѣвалъ имъ свою пѣсню, а огонь весело потрескивалъ въ печи.

Прошла недѣля и всѣ эти дни безпокойство о томъ, хватить-ли хлѣба на Таню, ни на минуту не покидало Матрену. Но въ то-же время она со страхомъ ожидала, что вотъ-вотъ явится эта женщина, которая покинула дѣвочку на бревнѣ, и возьметъ ее обратно, но она такъ и не появлялась. Скоро Матрена успокоилась совсѣмъ.

Выпалъ снѣгъ,—и все кругомъ побѣлѣло и повеселѣло. Установилась дорога, зашелкалъ морозъ и пушистымъ инеемъ покрылись деревья. Василій сталъ собираться въ городъ. Онъ вывелъ своего стараго Савраску, запрягъ его въ сани, нагрузилъ ихъ хворостомъ и дровами и повезъ ихъ на базаръ продавать. Вернулся онъ съ деньгами и привезъ еще вязку баранокъ въ гостинецъ. У Матрены отлегло отъ сердца. Теперь у нея были деньги и слѣдовательно будущее не стало ей казаться такимъ мрачнымъ, какъ прежде. И глядя на Таню, которая уже совсѣмъ привыкла на своемъ новомъ мѣстѣ, она съ облегченіемъ вздохнула и тихо проговорила: —

— Ну, живи, живи у насъ!.. Авось Господь пошлетъ и на тебя!

Избушка Василія была очень стара и плоха. Это была низенькая, небольшая, дымная лачуга съ большой печью, занимавшей чуть не половину всей комнаты. Между печью и стѣной стояла деревянная кровать, около нея—корзинка Тани, а у единственнаго окошка—столъ и два старые стула. На всемъ лежалъ отпечатокъ тяжелой бѣдности, но несмотря на этотъ отпечатокъ, какая-то тихая радость царила въ этой лачугѣ. Старики жилидуша въ душу, и это отражалось на всемъ. Вѣтъ радостью и отъ дворцовъ, но тамъ эта радость исходитъ отъ роскоши и богатства, отъ мрамора, бархата и золота и серебра, здѣсь-же она исходила отъ любящихъ сердецъ и довольства другъ другомъ. Василій и Матрена жили именно въ такой радости. Не смотря на недостатки, на одиночество, Василій былъ простъ сердцемъ, любилъ всѣхъ и все, какъ ребенокъ, и твердо вѣрилъ въ Бога. И теперь, когда онъ вернулся съ базара съ вязкой баранокъ, лицо его сразу помолодѣло и такъ и сіяло отъ удовольствія.

— А я въ церкви сегодня былъ! сказалъ онъ, входя.—Здравствуйте! Богъ милости прислалъ.

Усѣлись за чай и онъ долго и подробно рассказывалъ о томъ, какъ пріѣхалъ въ городъ, какъ

продать дрова и хворостъ и какъ пошелъ потомъ къ поздней обѣднѣ. Таня слушала его, широко открывъ глаза.

Исторія о томъ, какъ появилась у Василя Таня, быстро облетѣла сосѣднія деревни и даже ближайшія помѣщичьи усадьбы. Многіе покачали головами и упрекнули старика въ легкомысліи. Развѣ можно, говорили они, въ такіе годы и при такой бѣдности брать къ себѣ ребенка? А другіе, наоборотъ, одобрили его и похвалили его за доброту. Но какъ-бы то ни было, поступокъ Василя тронулъ очень многихъ. Тѣ люди, которые его знали и которымъ онъ возилъ дрова, стали присылать для Тани то булку, то пирожокъ, то кусочекъ мяса—и такимъ образомъ у Матрены всегда было, чѣмъ покормить сироту.

— Вотъ видишь? говорилъ ей съ добродушнымъ упрекомъ Василій.— Я говорилъ тебѣ, что дастъ Богъ дѣтей, дастъ и на дѣтей.

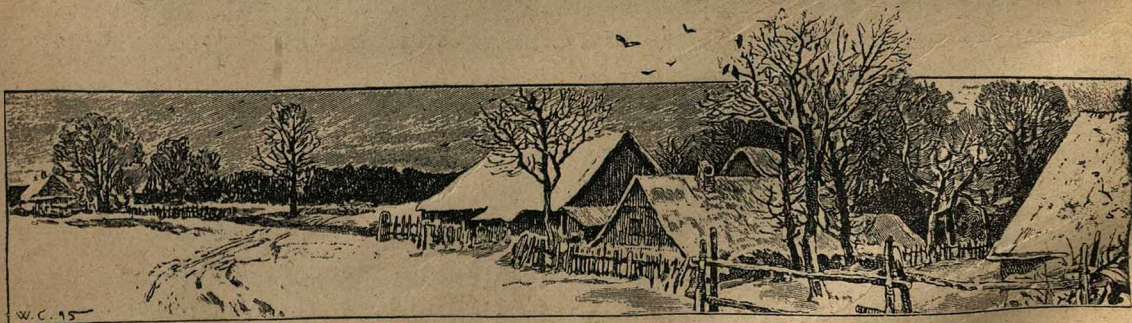
Для стариковъ было что-то сладкое въ томъ, что маленькій ребенокъ бѣгалъ у нихъ по избѣ. Какая-то далекая, невѣдомая, давно уже позабытая весна жизни появлялась вдругъ у нихъ въ душѣ, когда Таня начинала пѣть или безъ причины смѣяться. Въ теченіе всѣхъ долгихъ мѣсяцевъ зимы, съ ея хмурымъ небомъ и ранними сумерками и темнотой, она казалась имъ новымъ свѣтомъ, озарившимъ ихъ унылую старческую жизнь.

— Слава Богу! повторялъ старикъ и крестился на образъ.— Слава Богу!

Была довольна и Таня. Она чувала, что ее здѣсь любили, и полюбила стариковъ и сама. Воспоминаніе о суровой женщинѣ, оставившей ее одну на бревнѣ, изгладилось у нея изъ головы и ей казалось, что въ этой лачугѣ она жила уже давно-давно, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ стала себя помнить.

К. Тр.—

(Продолженіе слѣдуетъ).

Я ЖДУ ВЕСНЫ...

Я жду весны: съ какой отрадой Вотъ травка выглянетъ живая,
Я встрѣчу ласточекъ прилетѣть! Вотъ верба бѣлый дастъ пушокъ,
Какъ будетъ сердце солнцу радо! А тамъ ужъ на зарѣ, играя,
Взоръ столько радости найдетъ! Коровъ разбудить пастушокъ!..

И запестрѣютъ по долинамъ
Стада веселыя, а тамъ—
Порой вечерней по куртинамъ
Пѣть соловьи ужъ будутъ намъ...

Ф. Черновъ.

Ж О Л И.

(Исторія Серны).

Жоли была дикой серной, на тонкихъ ножкахъ, съ едва замѣтнымъ маленькимъ хвостикомъ и съ большими, какъ сливы, глазами.

На ея головкѣ торчали небольшіе рожки и имя „Жоли“—„красивая“, какъ нельзя лучше подходило къ ней. Подарилъ ее намъ вскорѣ послѣ нашего пріѣзда въ Персію, какой-то офицеръ изъ папинаго полка. Охотясь, онъ прострѣлилъ ей ножку, и такъ какъ она попала къ нему въ руки живая, то онъ пожалѣлъ ее и подарилъ ее намъ.

— Вотъ вамъ, дѣтки, для забавы, сказалъ онъ.

Когда ее привели съ окровавленной еще ножкой, то мама сдѣлала ей перевязку и уложила ее на тюфячкѣ въ нашей дѣтской.

Недѣли двѣ болѣла у серны ножка. Мы, дѣти, за ней ухаживали, кормили ее изъ рукъ овсомъ, фруктами и бѣлымъ хлѣбомъ, и серна стала совсѣмъ ручной.

Когда-же Жоли поправилась и стала свободно бѣгать по нашему фруктовому саду, то она стала нашимъ лучшимъ товарищемъ во всѣхъ нашихъ играхъ. Кромѣ нея съ нами играли еще три собаки: щенокъ Бобикъ, большая Хорзонка и совсѣмъ маленькая кудрявая собачка Лилка.

Любимой нашей игрой была игра въ охоту и въ этой игрѣ участвовала вся наша дѣтская компанія. Но начать игру завсѣло только отъ Жоли. Мы съ братомъ сажались верхомъ на палочки и начинали бѣгать вокругъ

нея, всячески стараясь вовлечь ее въ игру. Она обыкновенно долго не обращала на насъ вниманія и спокойно щипала траву, а затѣмъ вдругъ дѣлала видъ, что хочетъ боднуть насъ, и, поджавъ

съ крикомъ старались ее догнать; но она такъ ловко измѣняла направленіе, такъ неожиданно вдругъ перепрыгивала черезъ скамейку, попадавшуюся на нашемъ пути, что не только мы, дѣтишки, но и

С е р н ы.

переднія ножки, почти не касаясь земли, начинала перепрыгивать черезъ кусты и скамейки, стараясь показать этимъ, что убѣгала отъ насъ.

Почуявъ игру, собаки вскакивали и неслись за серной, а мы

собаки не могли ее догнать, за между тѣмъ она сама-же подбѣгала къ намъ и, приглашая насъ играть, задирала насъ. Когда она уставала и останавливалась, то мы и собаки подбѣгали къ ней, мы начинали ее обнимать, а

собаки ложились возлѣ нея на землю и, высунувъ красные языки и тяжело дыша, начинали ласково съ нею заигрывать. Затѣмъ мы срывали съ деревьевъ фрукты, кормили ее и ѣли сами и было забавно смотрѣть, какъ потряхивая хвостикомъ, она ѣла сливы и выплевывала косточки, или-же сама срывала съ дерева вишни.

Послѣ короткаго отдыха серна снова бодала слегка рожками насъ и собакъ и опять убѣгала, а мы садились на своихъ коней и опять начиналась игра.

Когда насъ звали обѣдать, то Жоли бѣжала за нами въ столовую, и пока мы ѣли супъ и жаркое, она гуляла взадъ и впередъ по столовой, а за сладкимъ она обязательно обходила всѣхъ обѣдающихъ и получала отъ каждаго изъ насъ свою порцію. И если кто-нибудь за разговоромъ нечаянно соваль ей въ ротъ шкурку отъ яблока или груши, то она обижалась и не брала и потомъ долго не подходила къ обидчику, хотя-бы онъ и звалъ ее самымъ нѣжнымъ голосомъ, предлагая ей лакомый кусочекъ.

Когда нашу дѣтскую перевели во второй этажъ, то Жоли осталась спать внизу въ столовой на коврѣ. Она была очень чистоплотна, и если хотѣла погулять, то подходила къ двери и стучалась въ нее рожками; такъ-же проси-

лась она и возвращаясь обратно изъ сада въ домъ.

Прошла осень, прошла зима и снова наступила весна.

Жоли настолько была ручной, что самостоятельно выходила въ садъ, гуляла тамъ, сколько хотѣла, и никому и въ голову не приходило, что она можетъ пропасть.

Но однажды кто-то не заперъ калитку и, не выходявшая никогда на улицу, Жоли вдругъ пропала.

Нашему дѣтскому горю не было границъ, да и папѣ съ мамой было жаль такой милой ручной козочки. И вотъ по всему городу было объявлено, что кто приведетъ Жоли обратно, тотъ получить хорошее вознагражденіе.

Но прошла для насъ долгая недѣля, а о ней не было ни слуху, ни духу.

Мы перестали надѣяться на ея возвращеніе и горевали, горевали безъ конца.

Стояли жаркіе дни и мы стали собираться переѣзжать на дачу верстъ за десять отъ города. Тамъ у насъ былъ садъ гораздо больше городского, полный фруктовыхъ деревьевъ и ежевичныхъ кустовъ, сильно разросшихся; садъ этотъ былъ совершенно запущенъ и переходилъ затѣмъ въ лѣсъ, который тянулся, какъ намъ казалось, безъ конца.

О, сколько тамъ было живописныхъ мѣстечекъ, таинственныхъ

Что-то вкусное.

Хороводъ.

уголковъ, гдѣ мы могли воображать себя на какомъ-нибудь необитаемомъ островѣ!

Мы боялись заходить далеко, но насъ все-таки тянуло вглубь посмотрѣть, что тамъ дѣлается.

Однажды, играя въ „путешественниковъ“, мы зашли дальше обыкновеннаго. Воображая себя утомленными отъ долгаго пути, мы сажались на траву и закусывали сладкими пирожками, взятыми съ собой изъ дому. Съ каждымъ шагомъ дорога становилась интереснѣе, встрѣчались ягоды и мы, увлеченные игрой, все шли и шли впередъ. Когда же солнце стало заходить, то мы, наконецъ, вспомнили, что насъ могутъ ждать дома. Посмотрѣли по сторонамъ, нѣсколько тропинокъ расходились въ разныя стороны, но по какой мы пришли сюда, — мы этого понять не могли. Намъ стало страшно. Мы торопливо стали искать дорогу домой, но, повидимому, брали все не то направленіе и шли совсѣмъ въ другую сторону. И чѣмъ больше мы волновались и бросались въ разныя стороны, тѣмъ все хуже и хуже портили дѣло. Наши сердечки бились и мы дрожали отъ каждаго шороха.

— Боже мой, гдѣ мы? вздохнула я.

— Боженька, спаси насъ, помоги намъ найти дорогу домой! зашепталъ братишка.

Наступили сумерки и кое-гдѣ на небѣ зажглись звѣзды.

Кусты потемнѣли, прошелестѣль въ нихъ вѣтерокъ и стало такъ тихо, какъ въ пустынѣ. Мы брели, сами не зная куда, и едва сдерживали слезы. Какъ вдругъ сбоку насъ послышался шорохъ. Что-то невдалекѣ отъ насъ зашевелилось въ кустахъ и какое-то животное выскочило изъ нихъ и вдругъ направилось прямо въ нашу сторону.

— Я боюсь... простоналъ братишка, прижимаясь ко мнѣ.— Мнѣ страшно!

Я сама была еле жива отъ страха и, схвативъ братишку за руку, бросилась съ нимъ бѣжать, что было духу, безъ оглядки.

Напрягая всѣ свои усилія, мы бѣжали, боясь оглянуться назадъ, и чѣмъ скорѣе мы бѣжали, тѣмъ скорѣе и животное мчалось за нами.

Я не помню, какъ мы добѣжали наконецъ домой. Когда же мы были уже у освѣщеннаго балкона и осмѣлились, наконецъ, повернуть головы назадъ, то каковы же были наши удивленіе и радость, когда мы увидѣли за собою нашу милую, ненаглядную серну Жюли!

Услышавъ въ лѣсу наши голоса и узнавъ ихъ, она съ своей стороны обрадовалась намъ и поспѣшила къ намъ, а мы-то, глупенькіе, испугались ея и со всѣхъ ногъ, что было духу, бросились отъ нея бѣжать!

— Гдѣ вы пропадали? — строго спросилъ насъ папа.— Мы ужъ без-

покоились о васъ и хотѣли за вами посылать!

Но мы не слушали его и стали прыгать вокругъ него и отъ радости визжать.

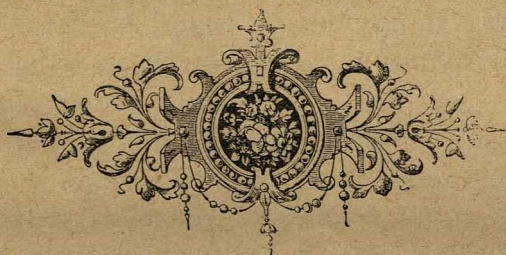
— Мы привели Жоли!—кричали мы. — Смотрите, мы привели Жоли!

Жоли тоже пробралась за нами въ кабинетъ и стала ласково тереться около папы и мамы.

При видѣ нашей милой козочки было забыто все: и строгій тонъ папы и выговоръ за нашу само-

вольную отлучку, и мы всѣ вмѣстѣ и старые, и малые, стали угощать Жоли всякой всячиной, и еще долго провозились съ нею на коврѣ. А затѣмъ потекла наша прежняя жизнь, мы опять были не одни и уже на этотъ разъ ревниво берегли нашу Жоли и ни на одинъ часъ не упустили ее изъ вида. Она прожила съ нами еще долго-долго, нѣсколько лѣтъ и умерла у насъ старушкой, оставивъ по себѣ воспоминаніе, какъ о близкомъ, незабвенномъ другѣ.

Шнеуръ-Смирнова.

ОТВАЖНЫЕ МОРЕПЛАВАТЕЛИ.

День былъ немного вѣтреный, но ясный.

Послѣ завтрака дѣти уже были на рѣкѣ, благо она была близко. Всего только сбѣжать немного съ горки, потомъ еще немного пробѣжать кустарникомъ и... вотъ она—славная, красивая и широкая русская рѣка!

— Видишь, я говорилъ тебѣ, что папа не всегда запираетъ лодку!—радостно воскликнулъ Павлуша,

первый подбѣгая къ плоту, у котораго тихо покачивалась зеленая лодка, привязанная къ желѣзному кольцу.

— Я боюсь,—робко проговорила Лиза.

— Ничего, не бойся!

Павлуша отвязалъ лодку и вскочилъ въ нее. Лодка закачалась и отошла отъ плота.

— А меня, меня!—испуганно закричала дѣвочка.

— Сейчасъ, сейчасъ! отвѣтилъ Павлуша.

Не безъ труда онъ притянулъ лодку обратно къ плоту.

— Ну, давай скорѣй руку, закричалъ онъ, — а то опять отъѣду!

— Я боюсь...

— Давай же скорѣе!.. Вотъ такъ! Разъ... два... три!

Лиза очутилась въ лодкѣ.

— Ну, вотъ и молодецъ!

У маленькой Лизы даже заблестѣли голубенькіе глазки отъ удовольствія.

— Теперь въ море! — торжественно воскликнулъ Павлуша.

И онъ съ силой оттолкнулся отъ плота.

Путешественники, словно въ люлькѣ, заколыхались по волнамъ... Ихъ понесло теченіемъ къ виднѣвшемуся вдали островку.

Павлуша вертѣлъ весломъ въ водѣ и ему казалось, что онъ дѣйствительно очень искусно гребѣ. Лодка тоже вертѣлась и вправо и влево, но все-таки, шла по теченію туда, куда хотѣли дѣти,—а именно къ островку.

Это былъ для нихъ необитаемый островъ, и они хотѣли поселиться на немъ на всю свою жизнь и по примѣру Робинзона Крузо заняться на немъ хлѣбопашествомъ и разведеніемъ дикихъ козъ и попугаевъ, хотя весь островъ этотъ былъ величиною всего только съ комнату.

— Островокъ! Островокъ! — радостно кричала Лиза, протянувъ руки къ виднѣвшейся группѣ камыша, выросставшаго прямо изъ воды.

Тянулъ небольшой вѣтерокъ. Играли легкія волны. Но это еще дружище подгоняло лодку, и дѣти были въ восторгѣ...

Вдалекѣ замѣтно собиралась гроза. Черная туча надвигалась, тянуло влажнымъ, прохладнымъ вѣтромъ. Съ каждой минутой волны росли и становились сердитѣе... Да и лодка уже не такъ, казалось, слушалась мальчика. Волны сби-вали ее въ сторону, и она плыла не туда, куда хотѣлось дѣтямъ.

— Ты зачѣмъ-же не къ островку ѣдешь? съ безпокойствомъ спросила Лиза.

— Къ островку ѣду! — хмуро оправдывался Павлуша.— Вѣтеръ мѣшаетъ... Видишь, волны!..

Онъ изо всѣхъ силъ работалъ весломъ, но островокъ, уже бывшій недалеко отъ нихъ, сталъ быстро отдаляться.

Туча покрыла солнце. Сразу смерклось. Потемнѣли волны и сердито стали показывать бѣлые хребты.

— Я боюсь... заплакала Лиза.

Павлуша поблѣднѣлъ. Онъ начиналъ бояться, но не дождя, а волнъ, которыя становились все больше и все сердитѣе, и вотъ-вотъ могли совсѣмъ перевернуть лодку.

— Надо къ берегу грести, съ дрожью въ голосѣ, проговорилъ онъ.

Сверкнула молнія. Короткій, оглушительный ударъ грома раздался, казалось, прямо надъ ихъ головами.

— Ай-ай! пронзительно вскрикнула Лиза, зажмурилась и закрыла лицо руками.

Павлуша отъ испуга выронилъ весло. Онъ хотѣлъ-было его достать, но неловкимъ движеніемъ накренилъ лодку; хлестнула волна и вода сразу хлынула въ лодку, и обмочила имъ ноги.

— Помогите! Помогите! съ отчаяніемъ закричалъ Павлуша, кинулся къ сестренкѣ, обхватилъ ее руками и замеръ.

Лодку завертѣло и понесло... Сверкала молнія, гремѣлъ громъ, шумѣлъ дождь и совершенно не было слышно отчаянныхъ призывовъ мальчика о помощи.

— Ого, еще за все лѣто не было такой грозы-то!..— проговорилъ дѣдушка Савельичъ — старый рыбакъ, только что проснувшись и вылѣзая изъ своего шалаша.— Охъ, какъ расходилась рѣка-то!.. И замѣтивъ вдругъ что-то вдали, онъ приложилъ ладонь къ глазамъ и сталъ вглядываться. — А что это тамъ такое никакъ чернѣется? продолжалъ онъ.— Такъ и есть — лодка! Ну, и мотаетъ-же ее! Точно ею никто и не править?!

Савельичъ живо отвязалъ свой небольшой, рыбацкій челнокъ и черезъ минуту уже стремительно разрѣзалъ волны и быстро приближался къ злополучнымъ Робинсонамъ...

Дождь такъ и хлесталъ по его плечамъ и насквозь промачивалъ его всего.

— Сюда! Сюда! Ко мнѣ! — закричалъ онъ, когда совсѣмъ уже близко находился отъ дѣтей.— Гребите веселѣй сюда!

И онъ приглядѣлся къ дѣтямъ. Павлуша безпомощно сидѣлъ въ лодкѣ, держа на рукахъ Лизу, а самъ былъ почти по поясъ въ водѣ.

— Батюшки, да это никакъ нашего барина малыши-то?! воскликнулъ Савельичъ.— Такъ и есть, они! Ай-ай!

И онъ догналъ наконецъ лодку и схватилъ ее за бортъ.

— Стой, готово, теперь не уйдешь! — веселовоскликнулъ онъ.— Поймалась!

И притянувъ ее къ себѣ, онъ принялъ изъ нея отъ блѣднаго, какъ полотно, Павлуши перепуганную Лизу, а потомъ перетащилъ въ свой челнокъ и его самого.

— Порядкомъ-таки васъ промочило!.. усмѣхнулся онъ.— Ну, да ладно, скорѣй къ берегу!.. Обсохнете... Да это никакъ на берегу-то и вапъ папаша? Онъ, онъ! Вонъ бѣгаетъ по берегу-то, да шляпой машетъ... Ничего, ничего, Петръ

Игнатъичъ, оба въ цѣлости!.. —
Сейчасъ прѣдемъ!..

Черезъ десять минутъ дѣти были
уже на берегу.

— Савельичъ, голубчикъ!.. —
встревоженно говорилъ Петръ
Игнатъевичъ, принимая своихъ дѣ-
тей изъ челнока: — вѣдь утонули-
бы, утонули-бы, проказники, не-
премѣнно, если-бы не ты! Господи,
какое могло бы быть несчастіе!..
Скорѣе, скорѣе къ матери!.. Мать
ни жива ни мертва... Охъ, дѣти,
дѣти!..

И всѣ двинулись къ дому. Петръ
Игнатъевичъ несъ Лизу, Савель-
ичъ — Павлушу.

А когда отважные путешвен-
ники нѣсколько ободрились, пере-
одѣлись и обогрѣлись, то вотъ-
тутъ-то начались ихъ рассказы о
томъ, какъ они ѣхали по Океану
на необитаемый островъ и какъ
ихъ захватила по пути буря и какъ
они чуть-чуть не потерпѣли ко-
раблекрушенія. Слушая ихъ, папа
хмурился, а мама и няня вспле-
скивали руками и ужасались.

Ф. Черновъ.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Названія какихъ цвѣтовъ заклю-
чаются въ слѣдующихъ фразяхъ:

1) Плотникъ вбивалъ гвозди ка-
кимъ-то страннымъ орудіемъ.

2) Люди ѣдятъ гречневую крупу,
пшено и рисъ.

3) Этотъ узелъ хитро завязанъ.

4) За недобрый дѣла страшно и
приниматься.

5) Каждое утро Машка громко
плакала.

II.

Что деревянное нельзя ни рѣ-
зать, ни пилить, ни строгать.

III.

Зачѣмъ ученики носятъ книжки
именно въ ранцахъ?

IV.

Задуманное слово состоитъ изъ
восьми буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8.

Буквы 4. 3. 5. 4 означаютъ музы-
кальный инструментъ, 3. 6. 1. 8 —
зерновой продуктъ, 5. 2. 3. 7. 4 —
сельско-хозяйственное учрежденіе,
3. 6. 5. 7. 4 — то, что есть въ сти-
хахъ и 1. 4. 7. 4. 3. 4 — городъ на
Волгѣ.

Отгадать всѣ эти слова и задуманное слово, которое означаетъ названіе добраго, безплотнаго духа.

V.

Если къ нотѣ прибавить часть
полка, то получится названіе оди-
нокаго человѣка. Кто это?

Рѣшеніе головоломки и ребуса № 7, помѣщенныхъ въ № 7 „Золотого Дѣтства“.

Головоломки. I. Рисъ ковать нельзя. II. Огонь сначала высѣкутъ, а потомъ раскладываютъ, а сквернаго мальчишку сначала разложить, а потомъ высѣкутъ. III. Въ каждомъ предметѣ—двѣ половины. Слѣдовательно, лошадь пробѣжала 24 версты. IV. За кустомъ, за рѣшетку. V. Лимонъ, осина, курица = Лисица.

Ребусъ № 7. Пе + ре + до + кошка + ми + + ц + в + ѣли + че + ре + муха + и + си + + ре + нь = Передъ окошками цвѣли черемуха и сирень.

Впрямь рѣшенія прислали: Таля Моньякова, Вадимъ Глушановскій, Ваня и Митя Немасовскіе, Миша Абалаковъ, Коля Никифоровъ, Ольга и Милица Гемпель, Оля Павлова, Володя Краулитъ, Борисъ Алтуфьевъ, Боря Одинцовъ, Лидія Мишина, Митя Михалевъ, Всеволодъ Ширшовъ, Вадя и Зоя Баньковскіе, Таня и Ира Шалевичъ, Таня Кутасова, Сергій Истоминоу, Марина Ляхницкая, Фима Пономаревъ, Ната, Мила и Валя Колпаковы, Дима Дягилевъ, Ниточка Дембо, Дѣти Глингерникъ, Яша Бахматовъ, Ляля Богданова, Володя Стольниковъ, Катя Харманская, Надя и Евдрикъ Виноградовы, Валя Лившицъ, Павля и Тася Герасимовы, Юра Шенкъ, Ваня Щепкинъ, Дѣти Николаевы, Пути Ламперти, Вѣра Воронина, Анатолій Маламудъ, Зина и Юра Манштейнъ, Володя и Лева Петровы, Сережа Шумейко, Сережа Радковичъ съ сестрой, Боря Бусыгинъ, Оля и Тамара Покровскія, Андрюша и Оля Бетцъ, Люда и Жоржикъ Шапошниковы, Ростикъ Качковскій, Деликъ Кроличъ Богушъ, Таточка Бунина, Ната, Мила и Валя Колпаковы, Сося и Ваня Чефрановы,

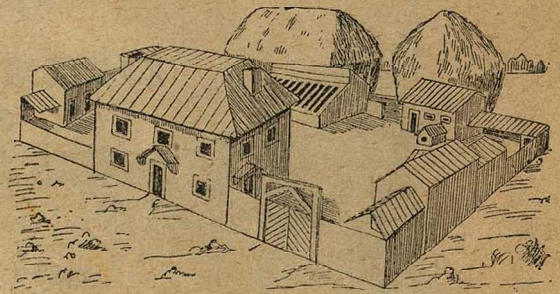
Викторъ Круглый, Анюта, Коля и Ната Малыхъ, Саша Ненашевъ, Коля Корейшъ, Толя Макаровъ, Оля Крушедольская, Саша, Катя и Нана Сыропятовы, Юлій Дейчъ, Алексій Государевъ, Сима Ящеуловъ, Маруся Богданова, Егорушка Лохмачевъ, Леда Токаревъ, Вася Огарковъ, Тамара и Борисъ Бугаковы, Катя Благомыслова, Галя Екимовская, Лиза и Саша Кипнисъ, Лидочка изъ Нѣжина, Сима и Аня Шатовы, Эдуардъ Юта, Дѣти Кипарисовы, Таня Каледина, Софочка Воловикъ, Володя, Боря и Шура Заксъ, Надя и Миша Папмель, Таня, Сима и Женя Егоровы, Нина Алмазова, Ира Сукованченко, Ляля и Мурочка Канъ, Додя Фридманъ, Шура Ноделманъ, Алла Пилипенко, Рома Шполянскій, Евочка Виленскій, Коля Метонидзе, Таня Акимова, Коля Златогурскій, Шура Малолѣтковъ, Натуся Розенцвейгъ, Ольдя Около-Кулакъ, Зоя Катенина, А. А. Морозовъ, Вобъ Штральборнъ, Ина Ганзенъ, Коля Песковскій, Вова Масловскій, Саша Афончиковъ, Тамара и Рита Ванагъ, Витольдъ Людкевичъ, Вени Тимущъ, Зина Троцкая, Беба и Шура Гольдштейнъ, Коля Огневъ, Люся и Райя Яхнины, Митя Бурковскій, Тина Кузьмина, Дима Миткевичъ, Зина Свиридова, Валя Цивкина, Евча Виленская, Ванюша и Митя Немоловскіе, Густочка Левченко, Ядя Гойжевская, Котикъ Таль, Валя Мальцевъ, Женя Дорюфьевъ, Сережа Карачаровъ, Тамара и Борисъ Бугаковы, Коля Кудрявцевъ, Пава, Галя и Сережа Лисенко, Жоржъ Семеновъ, Котя Цуцунава, Кто-то изъ Глухова, Лицута и Люся Любимовы, Вова Чижевскій, Юра Молчановъ, Дина, Сережа и Таточка, Водя, Зоя и Нуся Баньковскіе, Маруся, Женя и Ляля Юхимовичъ, Нюникъ Видавскій, Андрюша Абисовъ.

Читали-ли Вы книжку

„Дружокъ и Дюмка“?

Если не читали, то прочтите. Она только-что вышла въ свѣтъ **вторымъ изданіемъ**. Очень интересно. Ц. 40 к., а съ перес. 60 коп.

Высылается наложеннымъ платежомъ. Выписывать можно **открытымъ письмомъ изъ Редакціи «Золотое Дѣтство»:** Петроградъ, Каменноостровскій пр., 26.

Модель приложенія къ этому номеру.

Ребусъ № 9.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ головоломки или ребусъ, будутъ напечатаны).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ:

«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО»

за истекшій годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоромъ переплетѣ по 3 руб. 65 к. за экз.; безъ переплета — по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. (Въ Европейской Россіи и на Кавказѣ по 45 коп. за экземпляръ въ переплетѣ и безъ переплета).

МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ОТКРЫТЫМЪ ПИСЬМОМЪ ИЗЪ РЕДАКЦІИ «ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО».

Петроградъ, Каменноостровскій просп., 26.

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ ЛУЧШИХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПЕТРОГРАДА.

JULY 1871

RECEIVED

1871

1871

1871

1871

1871

1871

1871

1871

1871

1871

Годъ восьмой.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на художественно-литературный журналъ
для дѣтей (7—12 лѣтъ)

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Выходить два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

При каждомъ номерѣ приложенія въ краскахъ: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе „Золотого Дѣтства“.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

- 24** НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
- 12** КАРТИНЪ для украшенія дѣтской.
- 12** ИГРЪ для дѣтей.
- 24** ПРИЛОЖЕНІЯ для СКЛЕИВАНІЯ (домики, автоматы, мебель, экипажи и проч. и проч.).

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ:

Книга съ иллюстраціями:

„ВЪ НЕВОЛѢ“.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена къ выпискѣ въ ученическія бібліотеки городскихъ училищъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ 3 р. 80 к.

3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», Петроградъ, Каменноостровскій проспектъ, 26.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

За перемѣну адреса 28 копѣекъ почтовыми марками.

Редакція журнала „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

РЕКОМЕНДУЕТЪ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ

для дѣтей:

„НАЙДЕНЫШЪ и ПОДКИДЫШЪ“. Повѣсть съ иллюстраціями, цѣна съ перес. 60 к.,

„АНГЛІЙСКІЯ СКАЗКИ“. Съ иллюстраціями, цѣна съ перес. 60 к.

„ДРУЖОКЪ и ТЮМКА“. Повѣсть съ иллюстраціями, цѣна 40 коп.

Выписывать можно открытымъ письмомъ изъ Редакціи журнала „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

Петроградъ, Каменноостровскій пр., 26.